ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА • КНИГА ВТОРАЯ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Полив душевной засухи

Как найти воду внутри себя, когда снаружи пустыня

Книга-диалог

Камиль Ханов

Камиль Ханов

Полив душевной засухи. Книга вторая с иллюстрациями

«Автор»

2026

Ханов К.

Полив душевной засухи. Книга вторая с иллюстрациями / К. Ханов — «Автор», 2026

Бывает момент, когда человек впервые за долгое время выдыхает. Перестаёт дышать через силу, врать себе, что «всё нормально», и разрешает себе устать. Но в этой тишине открывается новая правда: он стоит посреди пустыни. Родники детства пересохли, реки изменили русло, а люди, обещавшие быть водой, стали бетоном.Эта книга — расследование без готовых рецептов. Это археология души: слой за слоем мы ищем, где была вода и кто перекрыл русло. Мы посмотрим на любовь-контроль, работу без смысла и встретимся с внутренним судьёй. Метафорические рисунки к главам станут визуальными проводниками, помогая увидеть и прожить то, что сложно выразить словами.Это не про исправление прошлого. Это про то, чтобы увидеть его целиком, сбросить камни, которые вы носите слишком долго, и услышать вопрос: «Где моя вода?» Ты уже сделал самое трудное — остановился. Теперь время смотреть. Ты не один.

© Ханов К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Река, которая не течёт прямо 11
Инструкции вместо жизни 13
Притча о саде, который не выпрямляли 14
Порядок и неподвижность 16
Жажда посреди правильной жизни 17
Голос, который замолчал 19
Что мы путаем 21
Трещина 22
Возвращение к реке 24
Тёплая клетка 28
Притча о низком потолке 33
Знакомое несчастье 35
Сердце, которое не забыло 37
Цена маленьких «потом» 41
Если не сейчас... то когда? 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Камиль Ханов
Полив душевной засухи. Книга вторая с иллюстрациями

Полив душевной засухи. Книга вторая.
Вступление. Где вода ушла

Бывает момент, когда человек впервые за долгое время выдыхает.

Не потому, что проблемы исчезли.

А потому, что перестал дышать через силу.

Перестал врать себе, что «всё нормально».

Разрешил уставать.

Услышал онемение тела и не стал его заглушать.
Этот вдох — как гость, которому наконец открыли дверь.

Он входит сам, без разрешения.

И вместе с ним приходит тишина.
Для тех, кто уже дышал этим воздухом в первой книге, эта тишина будет родной.

Но если ты пришёл сюда впервые, знай: ты тоже можешь начать отсюда.

Эта книга не требует подготовки.

Она начинается с того места, где ты есть сейчас.
И в этой тишине открывается новая правда.

Человек замечает, что стоит посреди пустыни.

Не той внутренней засухи, которую он уже признал и принял.

А той, что вокруг.
Родники, которые помнил с детства, пересохли.

Реки изменили русло.

Люди, обещавшие быть водой, стали бетоном.

Места, где искал опору, осыпались песком.
И тогда возникает вопрос.

Более трудный и опасный, чем первый вздох свободы:
«Почему со мной это произошло?»
Это не возвращение к боли.

Это расследование.
Не поиск виноватых.

Не суд.

Это археология собственной души.
Раскапывание слоёв.

Слой за слоем.
Чтобы увидеть: где была вода?

Когда она ушла?

Кто или что перекрыло русло?
Где-то любовь превратилась в контроль —

бетонный желоб вместо живого потока.

Где-то человек сам построил плотину —

из страха, удобства, привычки терпеть.

Где-то просто перестал приходить к своему колодцу.

Забыл дорогу.

Решил, что там уже ничего нет.
Эта книга — о том, чтобы увидеть каждое русло.

Каждый источник, который когда-то питал, а потом пересох.
Если раньше ты учился дышать,

то теперь учишься смотреть.
Смотреть назад.

Не с тоской.

Не с осуждением.

А с вопросом: «Как это случилось?»
Потому что только поняв, как вода ушла,

ты сможешь понять, можно ли её вернуть.

Или — что важнее —

куда она ушла и где искать её теперь.
Мы будем идти медленно.

Глава за главой.
Посмотрим на любовь, ставшую давлением.

На семью, где долг заменил тепло.

На границы, размытые до невидимости.

На работу, высасывающую жизнь.

На одиночество, которое казалось пустыней,

но может оказаться садом.
Встретимся с тенями прошлого.

С голосами, звучащими внутри,

даже когда тех, кто их вложил, уже нет.

С камнями, которые носишь так долго,

что забыл об их весе.
Мы не будем чинить.

Не будем спасать.

Не будем давать рецептов.
Мы будем узнавать происхождение.
Ты уже сделал самое трудное —

остановился.

Признал, что пустыня была внутри.

Впустил воздух.
Теперь готов посмотреть на то, что окружает.

Не с осуждением.

Не с желанием всё сломать.
А с одним вопросом, который станет главным:
Где моя вода?

И как она сюда попала?
Мы идём дальше.

Медленно.

Шаг за шагом.
Ты не один.

Я рядом.

Глава 1. Бетонный желоб

Когда жизнь была больше
Когда ты был ребёнком, жизнь была больше.

Не легче.

Не проще.

И уж точно не безопаснее.

Но больше.
Лето длилось целую вечность.

Дорога до соседнего двора казалась путешествием.

Лужа после дождя могла остановить тебя на полчаса.

Жук на ладони был событием.

Камень на берегу становился кораблём.

Палка — мечом.

Коробка — крепостью.
Ты жил среди чудес и даже не замечал этого.

Потому что чудеса были обычным делом.
Потом что-то изменилось.

Нет, чудеса никуда не исчезли.

Исчезло что-то другое.

Словно кто-то незаметно убрал из мира воздух.
И однажды ты поймал себя на странной мысли:

дни стали похожи друг на друга.
Просыпаешься.

Работаешь.

Решаешь.

Отвечаешь.

Устаёшь.

Засыпаешь.

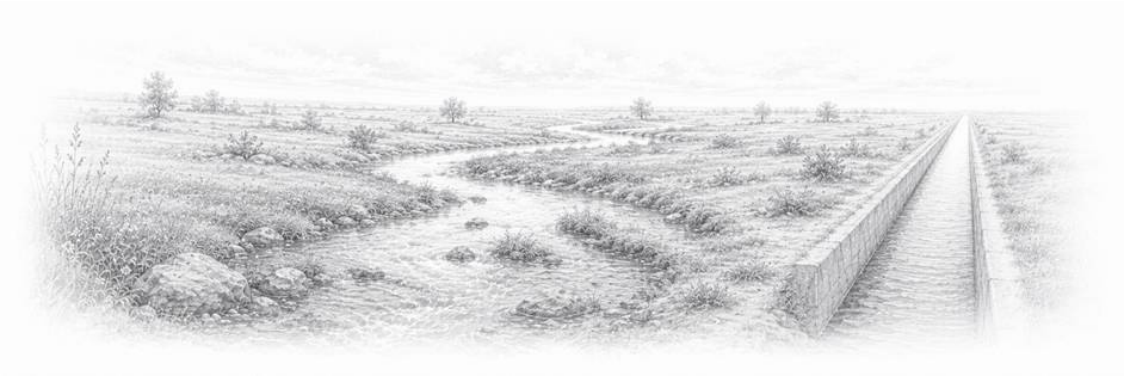
А потом снова.

И снова.

И снова.
Как будто кто-то включил повтор.

Как будто жизнь стала ехать по рельсам.

Река, которая не течёт прямо



Я часто думаю о реках.

Настоящая река никогда не течёт прямо.

Она обходит камни.

Петляет.

Иногда разливается.

Иногда меняет русло.

Иногда вообще исчезает под землёй, чтобы однажды появиться там, где её уже никто не ждал.
И именно поэтому она живая.

Она не знает заранее весь путь.

Она ищет его.

Каждый день.

Каждый метр.

Каждый поворот.
Живое не боится менять направление.

Оно боится только перестать течь.
Но человеку страшно смотреть на такую реку.

Особенно когда речь идёт о собственной жизни.
Мы хотим знать заранее, чем всё закончится.

Хотим карту.

Хотим гарантию.

Хотим обещание, что не ошибёмся.
Но жизнь никогда ничего такого не обещала.

Это обещали инструкции.
Свобода никогда не говорила: «Со мной будет легко».

Она говорила другое: «Со мной будет по-настоящему».
Она не обещает результата.

Не выдаёт гарантий.

Не избавляет от ошибок.

Она просто предлагает идти.
Иногда медленно.

Иногда на ощупь.

Иногда против течения.

Но своими ногами.
Именно поэтому мы так любим инструкции.

Инструкция — это карта, которую нарисовал кто-то другой.

По ней не нужно искать.

По ней нужно только следовать.

Но по карте нельзя почувствовать вкус воды.
Инструкция снимает тревогу.

Она говорит: «Не думай. Просто повторяй».

Она освобождает не от ошибок.

Она освобождает от выбора.
А вместе с выбором очень часто исчезает и жизнь.
Потому что по инструкции можно существовать.

Жить — никогда.

Инструкции вместо жизни

Сначала это кажется разумным.
Даже правильным.
Разве плохо слушать тех, кто старше?
Разве плохо учиться на чужом опыте?
Разве плохо иметь ориентиры?
Конечно нет.
Родители говорят:
«Делай как надо».
Учителя говорят:
«Делай как положено».
Начальники говорят:
«Делай как принято».
Голоса снаружи складываются в единую инструкцию.
Чёткую.
Понятную.
Безопасную.
А потом происходит самое незаметное.
Однажды эти голоса перестают быть чужими.
Они становятся твоими.
Подключается внутренний голос.
Самый строгий из всех.
Он не кричит.
Он шепчет.
Но его слышно громче любого крика.
Он говорит:
«Не ошибайся».
«Не подводи».
«Не разочаровывай».
«Не высовывайся».
«Будь хорошим человеком».
На первый взгляд в этих словах нет ничего плохого.
Большинство из них действительно нужны.
Они помогают выжить.
Они помогают вписаться.
Они помогают стать «своим».
Но проблема начинается тогда, когда они становятся единственным языком, который ты слышишь.
Когда внутренний диалог превращается в монолог судьи.
Когда ты перестаёшь спрашивать себя:
«Чего я хочу?»
И начинаешь спрашивать только:
«Как правильно?»
Ты становишься идеальным исполнителем чужой жизни.
Но собственную — теряешь по дороге.

Притча о саде, который не выпрямляли

Шёл Путник по дороге и увидел старый сад.
Деревья там росли странно.

Не по линейке.

Не по плану.
Одно почти легло к земле, словно кланялось ветру.

Другое выросло вокруг огромного валуна.

Третье тянулось в сторону так, словно перепутало небо и горизонт.
Ни одно дерево не было прямым.

И именно поэтому сад казался живым.
Путник остановился у калитки.

Там стоял седой Старик.
— Почему ты их не выпрямишь?
Старик посмотрел на деревья.

Потом на Путника.

И улыбнулся.
— А зачем?
— Они же кривые.

Их можно сделать ровнее.

Красивее.

Правильнее.
Старик подошёл к одному дереву.

Положил ладонь на шершавую кору.

Долго молчал.

Будто слушал что-то, чего не слышал никто другой.
Потом тихо сказал:
— Они живые.
Путник ждал продолжения.

Но Старик молчал.

Словно этих двух слов было достаточно.

Через некоторое время он всё же произнёс:
— Если выпрямить всё живое...

оно перестанет быть собой.
Путник долго смотрел на деревья.
Ему всегда казалось, что красота любит прямые линии.

Что порядок — это ровные ряды.

Что всё растущее не туда нужно исправить.
Но деревья думали иначе.
Каждый изгиб был памятью.

Каждый шрам — встречей с ветром.

Каждый поворот — поиском света.
Они не выросли вопреки своей истории.

Они выросли благодаря ей.
И вдруг Путник понял:

деревья стояли крепко не потому, что были ровными.

А потому, что были настоящими.
Мы слишком часто ведём себя как тот Путник.

Исправляем то, что никогда не было сломано.

Выпрямляем то, что просто выросло по-своему.
А потом удивляемся, почему рядом стало так мало живого.
Жизнь тянется к свету так, как может.

И наши шрамы — не доказательство того, что мы сломаны.

Они — доказательство того, что мы росли.

Порядок и неподвижность

Есть одна ловушка, о которой почти никто не говорит.
Мы привыкли думать, что порядок всегда лучше хаоса.

Но у жизни свои законы.

Она не стремится быть идеальной.

Она стремится быть живой.
Посмотри на лес.

Он неидеален.

В нём переплетаются корни.

Гниют старые стволы.

Сквозь мох пробивается молодая поросль.
Посмотри на море.

Оно неидеально.

Волны сталкиваются друг с другом.

Берег каждый день становится другим.
Посмотри на облака.

На ветер.

На птиц в полёте.

На весну.
Она не спрашивает разрешения.

Она просто приходит.
Всё живое немного непредсказуемо.

Всё живое немного неправильно.
Только кладбища устроены идеально.

Жажда посреди правильной жизни

Может быть, именно поэтому однажды человек начинает чувствовать странную жажду.

Не ту, которую можно утолить водой.

Другую.

Ту, для которой до сих пор не придумали точного слова.
Снаружи всё хорошо.

Даже очень хорошо.

Есть работа.

Есть дом.

Есть обязанности.

Есть правильные решения.

Есть стабильность.

Есть уважение окружающих.

Есть жизнь, которой многие могли бы позавидовать.
Именно поэтому так трудно признаться себе, что внутри что-то умерло.

Ведь когда всё «правильно», пустоты быть не должно.
Но по вечерам человек вдруг садится в тишине.

И не может понять, почему внутри так пусто.

Почему всё чаще ловит себя на мысли:

«Неужели это и есть моя жизнь?»

Почему то, к чему ты шёл столько лет, вдруг перестало согревать?
Может быть, потому, что ты никогда не спрашивал себя:

тебе ли туда было нужно?
Почему отдых не возвращает силы?

Почему даже счастье приходится изображать?
Словно жизнь идёт.

А ты почему-то остаёшься стоять в стороне.

Словно всё настоящее оказалось по другую сторону стекла.

Ты видишь его.

Но уже не можешь коснуться.

Голос, который замолчал

Иногда причина оказывается неожиданной.

Ты слишком долго жил правильно.

Настолько долго,

что однажды перестал спрашивать себя:

«А чего хочу я?»
Не чего ждут.

Не чего требуют.

Не чего заслуживают другие.
А чего хочет тот человек,

который живёт под твоей кожей.

Тот,

чей голос ты когда-то слышал очень ясно.
В детстве.

До того,

как мир начал объяснять тебе,

каким нужно быть.
Сначала этот голос звучал тихо.

Потом всё реже.

Потом ты научился перебивать его.

Долгом.

Правильностью.

Страхом ошибиться.

Желанием никого не расстроить.
А однажды заметил,

что он совсем перестал говорить.
И самое страшное —

ты даже не заметил,

в какой день это произошло.

Что мы путаем

И тогда происходит странная вещь.

Постепенно.

Почти незаметно.
Ты начинаешь путать русло с рекой.

План — с жизнью.

Контроль — со спокойствием.

Привычку — с любовью.

Безопасность — со счастьем.
И чем дольше это продолжается,

тем естественнее всё кажется.
Мы привыкаем ко всему.

Даже к тому,

что медленно лишает нас жизни.
Рыба не замечает воды.

Человек не замечает клетки,

если вырос внутри неё.
Иногда клетка настолько просторна,

что кажется целым миром.

И тогда свобода начинает пугать сильнее,

чем решётка.

Трещина

Но однажды появляется трещина.
Иногда её приносит беда.

Развод.

Болезнь.

Смерть близкого человека.
Иногда — предательство.

Иногда — потеря работы.
А иногда не происходит ничего.

Совсем ничего.
Наступает самое обычное утро.

Ты подходишь к окну.

Смотришь на дерево.

На птицу.

На дождь.
И вдруг понимаешь:
дело не в них.

Что-то исчезло во мне.
Я давно не живу.

Я справляюсь.

Соответствую.

Выполняю.

Держусь.
Но не живу.
И самое страшное —

это не само открытие.

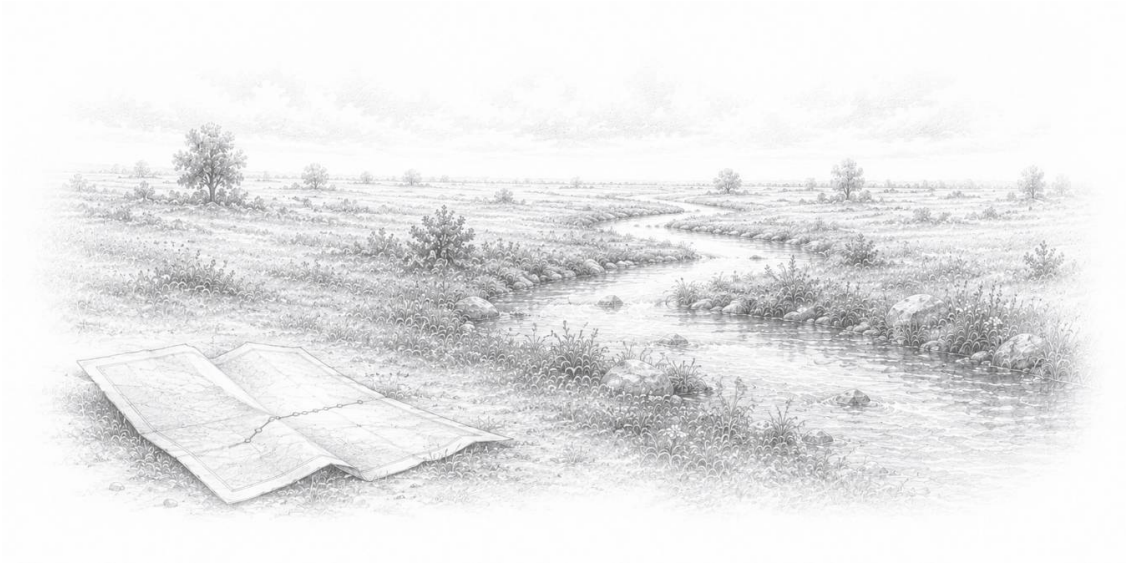
А то,

что оно произошло не вчера.
Возможно,

ты не жил уже много лет.
Просто сегодня

впервые перестал отводить глаза.

Возвращение к реке



Это страшное признание.

Почти такое же страшное,

как однажды признать засуху.
Потому что после него

уже невозможно сделать вид,

что всё нормально.
Но именно здесь

начинается возвращение.
К реке.

К той самой живой воде,

которая никогда не текла по прямой.
Она петляла.

Обходила камни.

Терялась.

Разливалась.

Уходила под землю,

чтобы снова выйти к свету.
Ни один её поворот

не был напрасным.

Каждый менял её течение.
Иногда так хочется

исправить своё прошлое.

Вычеркнуть ошибки.

Забыть боль.
Но если убрать хотя бы один изгиб,

ты окажешься в другой реке.

Не в своей.
Может быть,

не всё хотелось бы пережить снова.

Но всё прожитое

привело тебя сюда.
К этому моменту.

К этой тишине.

К способности наконец услышать себя.
Возвращение — это не дорога вперёд.

Иногда это дорога обратно.
К себе.

Стены из заботы

Есть вещи,

которые понимаешь слишком поздно.
Не всякая рана

остаётся после удара.

Иногда её оставляют

самые тёплые руки.
Те,

что поправляли тебе шарф.

Держали за руку.

Не спали ночами,

когда ты болел.

Молились за тебя.

Боялись потерять.
Любовь почти никогда

не хочет сделать больно.

Она хочет спасти.

Именно поэтому

так часто начинает

строить стены.
Сначала —

от опасности.

Потом —

от ошибок.

Потом —

от боли.
А потом,

незаметно,

и от самой жизни.
И однажды оказывается,

что за этими стенами

стало слишком тихо.

Слишком спокойно.

Слишком правильно.
Как будто воды вокруг много.

А пить нечего.
Не потому,

что тебя перестали любить.

А потому,

что любовь

испугалась свободы.
Так реки становятся желобами.

Глава 2. Цена удобства

Тёплая клетка

Есть вещи,

которые не выглядят опасными.

Наоборот.

Они кажутся правильными.

Надёжными.

Даже заботливыми.
Именно поэтому мы почти никогда

не замечаем,

как однажды

становимся их пленниками.
Самое страшное в клетке —

не стены.

Самое страшное —

что они начинают казаться заботой.
Мы привыкли думать,

что несвобода —

это холод.

Это цепи.

Это тюрьма.

Это запертая дверь.
Но настоящая несвобода

редко приходит с грохотом.

Она приходит тихо.

Садится рядом.

Кладёт руку тебе на плечо.

И говорит:

— Не рискуй.

Так будет спокойнее.
Сначала ты соглашаешься один раз.

Потом — ещё один.

Потом замечаешь,

что стал соглашаться

ещё до того,

как тебя попросили.
И однажды понимаешь,

что уже давно не выбираешь.

Ты просто продолжаешь

то,

что начал когда-то.
Так рождаются самые прочные клетки.

Не из железа.

Из привычек.

Из осторожности.

Из желания,

чтобы больше никогда не было больно.
Ты начинаешь жить очень аккуратно.

И постепенно замечаешь удивительную вещь.

Боли действительно становится меньше.

Но вместе с ней исчезает что-то ещё.

Исчезает восторг.

Исчезает любопытство.

Исчезает трепет.

Исчезает ощущение,

что впереди ещё может случиться

что-то настоящее.
Жизнь становится спокойнее.

Но почему-то не становится счастливее.
Появляется странное чувство,

которое трудно назвать.

Это даже не пустота.

Пустота — это когда ничего нет.

А здесь всё есть.

Дом. Работа. Дела. Люди. Планы. Привычки.

Даже улыбка есть.
Не хватает только одного.

Того, ради чего всё это вообще было нужно.
Ты сидишь в тёплой комнате.

За окном идёт дождь.

На столе остывает чай.

Телефон молчит.

Никто тебя не тревожит.

Всё спокойно.
И вдруг ты ловишь себя

на очень странной мысли.

Почему мне так тихо внутри?

Не хорошо.

Не спокойно.

Именно тихо.

Словно в доме,

где уже давно никто не живёт.
Наверное, это и есть

самая незаметная цена удобства.

Оно не забирает жизнь сразу.

Оно забирает её понемногу.

Так осторожно,

что ты успеваешь привыкнуть.
И однажды перестаёшь скучать

по тому,

чего никогда не видел.
Страшнее всего не потерять свободу.

Страшнее — даже не узнать,

что она существует.
Тебя держало незнание.

Не то, что ты боялся выйти.

А то, что ты не подозревал:

выход есть.

Что за стеной может быть не пустота.

А воздух.

Свет.

Другая жизнь.
Ты не ждал свободы.

Потому что не знал её имени.
И самое страшное не то,

что ты жил в клетке.

А то,

что ты считал её

единственным возможным домом.

Притча о низком потолке

Шёл Путник по дороге.

Начался дождь.

На краю поля стоял дом.

Путник постучал в дверь.
Старик открыл:

— Переночуй.
Дом был тёплым.

Уютным.

Только потолок — низким.

Путник пригнул голову.
— Ничего, — улыбнулся Старик. — Привыкнешь.
Остался на ночь.

Потом ещё на день.
И однажды поймал себя на том,

что больше не ударяется о балки.

Он уже заранее наклонялся,

ещё не входя в комнату.

Тело научилось раньше мысли.
Дождь закончился.

Пора идти.
Путник вышел за порог.

Расправил плечи.

Поднял глаза.

И замер.
Над головой было небо.

Бескрайнее.

Без балок.
Он сделал несколько шагов.

По дороге, уходящей вдаль.
А он всё шёл,

будто боялся

снова удариться

о потолок,

которого

уже не было.
Наверное,

мы все немного похожи

на этого Путника.
Никто не запрещает

дышать полной грудью.

Но внутри

словно продолжает жить

тот самый низкий потолок.

Знакомое несчастье

Мы редко выбираем

то,

что сделает нас счастливыми.

Гораздо чаще

мы выбираем

то,

что нам знакомо.
Знакомая боль

кажется безопаснее

незнакомой радости.
Именно поэтому

одни и те же истории

повторяются.

Меняются города.

Работы.

Люди.

Но внутри

остаётся один и тот же сценарий.
Словно человек

переезжает в другой дом,

но всю мебель

перевозит с собой.
Самое прочное —

не стены.

Самое прочное —

ожидание,

что жизнь обязательно снова

станет такой, какой была.

Даже если именно она

когда-то сделала тебе больно.
Иногда человеку легче всю жизнь

носить тяжёлый мешок,

чем однажды поставить его на землю.

Сердце, которое не забыло

Иногда это происходит

совсем неожиданно.

Без причины.
Ты идёшь по улице.

И вдруг останавливаешься.

Потому что ветер

почему-то пахнет детством.

Или слышишь далёкий смех.

И на одно мгновение

что-то становится не на месте.
Не боль.

Не радость.

Что-то другое.

Словно внутри

очень тихо открылась дверь,

о существовании которой

ты давно не помнил.
Бывает, ты долго смотришь на реку.

Не потому, что любишь воду.

Не потому, что хочешь куда-то уехать.

Ты и сам не знаешь почему.

Просто не можешь оторвать взгляд.

Словно она помнит

что-то, о чём ты давно забыл.
Разум не любит таких мгновений.

Ему нужно объяснение.

Устал.

Возраст.

Музыка.

Погода.
Но сердце ничего не объясняет.

Оно просто узнаёт.
Ребёнок, который вырос

там, где никогда не было леса,

не тоскует по лесу.

Он не знает, что это такое.
Но если однажды ветер

принесёт запах хвои,

он вдруг замолчит.

Сам не понимая — почему.

Наверное, есть вещи,

которые человек узнаёт

раньше, чем успевает их понять.
Наверное, именно поэтому

иногда становится тесно.

Хотя вокруг ничего не произошло.

Дом — тот же.

Люди — те же.

Работа — та же.

Даже день ничем не отличается

от вчерашнего.
Но внутри словно стало меньше воздуха.

И ты не можешь понять,

что именно изменилось.
Мы привыкли думать,

что тоска всегда по чему-то.

По человеку.

По времени.

По месту.
Но иногда она приходит

без имени.

Без причины.

Без воспоминаний.

И потому пугает ещё сильнее.
Её хочется сразу заглушить.

Работой.

Разговорами.

Телефоном.

Новостями.

Лишь бы не оставаться с ней наедине.
Потому что она умеет задавать вопросы,

на которые не хочется отвечать.

Не вслух.

Даже самому себе.
Может быть, именно поэтому

сердце говорит так тихо.

Оно знает:

если сказать слишком громко,

разум сразу начнёт спорить.
Поэтому оно не убеждает.

Не требует.

Не торопит.

Оно просто не перестаёт напоминать.
Иногда — ветром.

Иногда — запахом дождя.

Иногда — тишиной,

которая вдруг становится слишком живой.
И однажды ты понимаешь:

оно всё это время

было рядом.

Просто слишком тихо,

чтобы его услышать

среди всего остального.

Цена маленьких «потом»

Мы не откладываем жизнь.

Мы даём анестезию

тому самому тихому голосу сердца,

который шепчет:

«Может быть, есть другой путь?»
«Не сейчас.»

«Потом.»

«Когда станет легче.»

«Когда дети вырастут.»
Эти слова звучат разумно.

Они успокаивают.

Но на самом деле

они обращены не к делам.

А к тому чувству внутри,

которое пугает своей свободой.
Разум боится этого шёпота.

Он не знает, что с ним делать.

И поэтому говорит:

— Конечно, будет.

Только не сегодня.
И чувство затихает.

Не потому, что исчезло.

А потому, что его задвинули

в самый дальний ящик сознания.
Так проходят месяцы.

Потом годы.

Потом десятилетия.
И однажды ты обнаруживаешь,

что вся твоя жизнь

прошла в режиме ожидания.
Ты готовился жить.

Учился терпеть.

Копил силы.

Ждал разрешения.
Но разрешение так и не пришло.

Потому что его не существует.

Есть только сейчас.
Самое страшное,

что никто ничего не украл.

Никто не запретил.
Ты просто слишком долго

говорил «потом»

тому человеку,

которым мог бы стать.
И он всё ещё ждёт.

Тихо.

Терпеливо.

Где-то глубоко внутри.
Он не ушёл.

Он просто устал стучаться громко.
А жизнь,

как оказалось,

не умеет ждать.

Она происходит

только сейчас.
Мимо тебя.

Пока ты стоишь на пороге,

придерживая дверь рукой,

в надежде,

что когда-нибудь

станет безопасно её открыть.

Если не сейчас... то когда?

Этот вопрос не пугает.

Он приходит тихо. Как приходил всё это время.

Просто раньше его было проще не замечать.

Не потому, что ты был слабым. И не потому, что не умел жить.

А потому, что очень долго учился быть осторожным. Учился не терять. Сохранять то, что удалось построить. Терпеть то, что казалось неизбежным.

И однажды эта осторожность стала такой привычной, что начала казаться мудростью. Хотя всё чаще оказывалась страхом.

Сердце не спрашивает, какая у тебя работа и что о тебе думают другие.

Оно спрашивает совсем о другом.

Тесно тебе здесь?

Иногда этот вопрос приходит тоской. Иногда — необъяснимой пустотой. Иногда — запахом дождя, который вдруг становится важнее всех дел.

И задаёт одну мысль, которой человек боится больше всего:

«А вдруг это ещё не вся жизнь?»

Не лучше. Не ярче. Не легче. Просто — глубже.

Для кого-то эта теснота — тишина в красивом доме, где никто не живёт по-настоящему. Для других — шум в доме, где больно.

Где слова ранят. Где нужно постоянно доказывать, что ты имеешь право на голос. Где любовь стала долгом, а забота — контролем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.